

Не повезет – не выживешь

Предисловие

Мне действительно все время везло, особенно же в трудные периоды жизни. Главное везение – я почти не сталкивался с плохими, злыми людьми.

Мне повезло,
– что отца моего не арестовали,
– что все преподаватели в школе были опытными и порядочными,
– что меня воспитывали без «розовых очков», как большинство моих сверстников, и обучали немецкому и французскому языкам,
– что я не участвовал в финской кампании,
– что ни одна пуля меня не задела, как на фронте, так и в плену,
– что самые тяжелые годы плена я находился у эстонских крестьян,
– что я не погиб, работая на шахте в Германии,
– что в Германии я попал к весьма порядочному следователю,
– что конец войны меня застал у немецких крестьян,
– что меня не расстреляли отступавшие отряды СС,
– что наш военный следователь не применял при допросе особых мер,
– что на этапе я не умер от голоду, хотя мой вес дошел до 48 кг при росте метр семьдесят,
– что в советский лагерь я попал, когда уже смягчились ужасы ГУЛАГа.

Главное мое везение в том, что мой единственный жизненный путь я прошел среди вполне приличных людей. Я не озлобился и научился воспринимать жизнь такой, какова она есть.

О моих предках

Коротко о Лилеевых

Николай Николаевич Лилеев – священник Ануфриевского погоста Ярославской губернии имел шестерых детей и среди них – священник Сергей Николаевич (1863 – 1937). Протоиерей отец Сергей преподавал в духовной семинарии г. Ярославля. В годы войны 1914 г. на свои средства организовал приют для сирот. После революции, как священнослужитель, был четыре раза арестован и расстрелян в Ярославле в 1937 году. Его супруга Вера Константиновна, урожденная Крылова (1868-1933) духовного сословия после последнего ареста мужа жила в Ленинграде в семье старшего сына – Ивана (1892 – 1966). У отца Сергия и матушки Веры Константиновны было семеро детей:

– младшая Мария (1905 – 1997). По специальности агрометеоролог, техник института растениеводства – ВИР им. Вавилова. Незамужняя.

– Михаил (1904 – 1906). Умер младенцем.

– Борис (1901-1980). Работник народного образования и художественный руководитель детского оркестра народных инструментов и хора. Был дважды женат и имел всего 6 детей.

– Юрий (1898–1972), инженер-строитель. Был женат, имел одного сына.

– Зоя (1894–1972). Пианистка. Незамужняя.

– Леонид (1893–1941). Юрист. Был женат, но детей не имел.

– Иван (1892–1966). С 1903 по 1911 учился в Ярославской классической гимназии. В числе товарищей по гимназии были: Коля Кокуев – брат будущей супруги, Володя Крылов – будущий свояк, Максим Богданович – поэт, классик белорусской литературы.

В 1917 г. окончил химический факультет Петроградского университета, а в 1926 г. – Технологический институт. Получил звание профессора и уч. степень доктора технических наук. В 1951 г. стал лауреатом Сталинской премии, а в 1953 г. награжден орденом Ленина.

По способу, разработанному проф. А. А. Яковкиным и И. С. Лилеевым, был построен Волховский алюминиевый комбинат, давший в 1932 г. первый отечественный алюминий.

В 1914 г. женился на сестре одноклассника – Анне Кокуевой. В 1940 г. был эвакуирован в Новосибирск, где работал в ЗСФАН (зап. Сиб. филиал Академии наук). В Ленинград вернулся в 1955 г. и до последних дней работал в Институте химии силикатов АН СССР. Скончался в 1966 году.

Коротко о Кокуевых

Родоначальник ярославского рода – купец Рафаил Иванович Кокуев был выходцем из Орловской губернии. В Ярославле имел два дома на Воздвиженской (Ныне Флотской) ул. и гостиницу с книжной лавкой на Власьевской (ныне Театральной) площади. Рафаил Иванович имел детей:

– Никита Рафаилович (1848–1914) родился в Малоархангельском Орловской губернии. В Ярославле жил по Дворянской ул. д. 25. Известный энтомолог. Написал 43 статьи по перепончатокрылым. Самая крупная работа «Определитель пчел средней России». Основатель и редактор «Русского энтомологического обозрения».

– Ерминингельд Рафаилович (?–?). Музыкант, член «Общества любителей музыки». Имел магазин на Власьевской пл. «Стекло – фарфор».

– Татьяна Рафаиловна (1860 – 1942). Потомственная почетная гражданка. Продала большой дом на Воздвиженской, гостиницу с книжной лавкой и построила двухэтажный каменный дом (общ. пл. 500 кв.м.) с надворными постройками на углу Дворянской и Воздвиженской улиц (ныне пр. Октября 14) и имела еще усадьбу в селе Щекотово на р. Вондель. Поздней осенью 1918 г. она переехала в Петроград, оставив дом и все имущество. Жила в семье Лилеевых, работала в школьной библиотеке и зарабатывала себе на пенсию.

Скончалась во время блокады в возрасте 82 лет.

– Рафаил Рафаилович (1862–1907). Действительный статский советник. Юрист. В 1889 г. женился на дворянке Александре Александровне Верховской, дочери титулярного советника. Служил в Везенберге (ныне Раквере) комиссаром по крестьянским делам, а затем в министерстве финансов.

У Рафаила Рафаиловича с супругой было четверо детей:

– Николай (1893–1951). С 1903 по 1911 годы учился в вышеупомянутой гимназии с Иваном Лилеевым и др. В 1926 г. окончил Политехнический институт в Петрограде. Работал в Нижнем Новгороде (тогда Горьком), Новосибирске главным конструктором Института авиации. Имел звание Военинженер 2-го ранга. Награжден орденом «Знак почета» и медалью «за доблестный труд в ВОВ». Был однажды женат и мел двух сыновей.

– близнецы Рафаил (1892–1942). Учился в той же гимназии, но на класс старше. В 1924 г. окончил агрономический факультет Ярославского государственного университета. Работал зоотехником на конзаводе пос. Сиверский. Был арестован за «вредительство» и сослан на Соловки. Там он работал нормировщиком. После освобождения поехал работать в Оренбург также на конзавод. Там его вторично арестовали. Скончался он где-то под Самаркандом. Был женат и имел рано умершую от туберкулеза дочь.

– и Варвара (1892-1922). Училась в Ярославской женской гимназии, затем отлично окончила Московский Александровский институт. В 1909 г. ей присвоили звание «Домашней наставницы». В 1913 г. вступила в брак с Владимиром Сергеевичем Крыловым и имела сына. После революции жила в Щекотово, где трагически погибла.

– старшая Анна (1890–1961). Училась в Ярославской женской гимназии, а затем в том же Александровском институте. В институте порядки были строгие. Например, за плохую осанку за столом под локти ставили железный аршин, и так надо было сидеть до конца трапезы. Успеваемость оценивалась по 12-ти бальной системе, и находились чудачки – преподаватели, ставившие «3–».

В эти годы в Аню был влюблен одноклассник брата Коли – Максим Богданович. Он посвятил Ане Кокуевой много стихов, в частности цикл «Мадонны», «Собор св. Анны в Вильне» и четвертый акростих:

Ах, как умеете Вы, Анна,
Не замечать, что я влюблен.
Но все же шлю я Вам не стон,
А возглас радостный: осанна!

В апреле 1914 она хорошо окончила Петроградскую консерваторию по классу фортепиано проф. Миклашевского, а в мае вышла за Ивана Лилеева замуж. Она преподавала в музыкальном училище на Чернышевском пер. (ныне ул. Ломоносова), давала уроки на дому.

В молодости Аня, как и ее братья, была хорошей наездницей, любила пешие прогулки. Летом молодежь покупала баркас и на веслах спускалась вниз по Волге. В намеченном пункте баркас продавался, и все возвращались поездом.

В июне 1921 г. родился я – сын Николай. Жили мы вчетвером: бабушка, родители и я. К нам часто приходили гости, но угощение было скромное: сосиски в томатном соусе, пироги, вино только в исключительных случаях. Мама была интересной собеседницей, и с ней поддерживали знакомство такие люди, как известный юрист А. Ф. Кони; исследователь и переводчик «Слова о полку Игореве» Л. А. Творогов.

В 1942 г. родители эвакуировались в Новосибирск и возвратились только в 1955 г. Скончалась мама в декабре 1961 года.

Глава 1. До войны

Детство

Мои детство и юность до призыва в армию прошли в доме №9 по улице Марата (до 1918 г. – Николаевская). Этот дом до 1960 г. имел три двора. Флигель между первым и вторым дворами разобрали, и образовался один большой двор. Вот в этом-то снесенном флигеле и находилась на третьем этаже наша квартира № 13. Хозяйка дома Мария Александровна Митропольская занимала весь третий этаж правого флигеля и часть центрального. Соединялись обе части квартиры полукруглым фонарем. У Марии Александровны было два сына Костя и Рома, постарше меня. Об их судьбе я ничего не знаю.

При уплотнении она уступила моим родителям «черную» часть квартиры, где находились кухня, ванная и комната прислуги. Этой «новой» квартире присвоили № 13, отсутствующий в доме, как «чертова дюжина». Вход в квартиру был только черный через большую кухню с каменным полом. Над большой дровяной плитой был бак около 1 куб.м. При топке плиты вода в баке нагревалась и по трубам под полом подавалась в ванную. Помещение ванной нагревалось этими трубами и маленькой изразцовой печуркой.

Когда мы въехали, ванной уже не существовало. Ее использовали как жилую комнату. Несколько лет в ней временно жили близкие родственники, а под конец бабушка – мать отца, вдова расстрелянного в 1937 г. дедушки – священника. Вот первое «чудо»: мой отец, беспартийный, сын священника – «врага народа», выпущенный для обмена опытом в Германию и Францию, где он повидал чуждую для советского человека жизнь, не был арестован, не был расстрелян.

После кончины бабушки в эту комнату поселили меня – уже школьника. За вышеупомянутой печуркой я любил заниматься стоя, как за бюро. В коридоре висел звонок и табло с шестью окошечками. В окошечках выскакивали номера, чтобы прислуга знала, куда ее вызывают. За ванной шли две жилые комнаты, которые отапливались одной облицованной изразцами печью. Она теплилась из третьей, бабушкиной, комнаты и хорошо нагревала вторую – родительскую. В этой комнате до школы спал и я. Похожая изразцовая печь находилась и в последней, самой большой комнате без окон. Мы называли ее «темной» или «салон». В этой комнате стояли мягкая мебель («английский кожаный кабинет»), рояль Шредер и сундук, заваленный сверху нотами. Из темной комнаты через фонарь можно было пройти в «господскую» половину. Дверь между половинами запиралась с обеих сторон, а в фонаре хозяева оборудовали кухню. Дворы – «колодцы» были узкими, темными. Светит ли солнце, мы определяли по отражению ее в окнах противоположного флигеля. С улицы в первый двор вела длинная подворотня. В ней располагалась квартира дворника Федора Богдановича. Из дворничьей окно выходило в подворотню, и из него видно было всех, кто входил во двор и выходил на улицу. Федор Богданович был всем как свой человек. Он приносил дрова и помогал жильцам по их просьбе. Двор и лестницы содержались в идеальном порядке. Дворы в те годы на ночь запирались, и отпирал их по просьбе дежурный, один из дворников.

По дворам ходили старьевщики – татары, кричали «халат-халат» и скупали все: старую одежду, бутылки, банки. К ним обращались «Князь». Ходили еще точильщики, они кричали «Точить ножи-ножницы, бритвы править». Многим, в том числе и нам, приносили молоко из близлежащих деревень. Зимой посреди первого двора установили снеготаялку. Сверху ее загружали снегом, снизу топили дровами, и талая вода стекала в канализацию. В третьем дворе были дровяники, прачечная и большие каменные мусоросборники для мусора и отходов. В подворотне на третий двор был общественный туалет. На многих других дворах стояла надпись: «Во дворе уборной нет». Мы в семье туалет называли «ватер».

На чердаке каждая квартира имела свое запирающееся помещение для сушки белья, но свалка ненужных вещей там не допускалась. Ключ от всего чердака хранился в одной из квартир.

У нас в семье были в обиходе большие старые названия улиц и магазинов. Помню, две ближайшие булочные Шмарова и Буше, а на углу с Колокольной улицей – пекарня с магазином. На четном углу Марата с Невским был фруктовый магазин Марти, и находилась контора извозчиков. Пролетки выстраивались вдоль улицы. Извозчики носили красные кушаки, имели кнут и рукавицы. У пролеток поднимался верх от дождя, а ноги седока закрывал кожаный фартук. На нечетной стороне был ресторан, а дальше по Невскому узенький молочный магазин Сумакова. На Невском была торцевая мостовая, и ходил трамвай. При сильных дождях торцевые шестигранные шашки всплывали, и их потом заменяли новыми. Если человек вставал на всплывшую шашку, из-под нее летели сильные брызги.

До января 1944 года весь центр носил «революционные» названия: Невский пр. – проспект 25-го октября, Садовая – улица 3-го июля, Владимирский пр. – проспект Нахимсона, Литейный пр. – пр. Володарского, Караванная ул. – улица Толмачева и т. д.

ранее и в дальнейшем, чтобы избежать путаницы, я использую только восстановленные названия улиц.

Обстановка днем в городе была вполне спокойной, хотя и имелось много беспризорников. Семилетним мальчиком я уже ходил на Моховую ул. к жившей там тете. (Это четыре квартала и 3 перехода). Перед ее двором находился ДКВД (Дом Коммунистического Воспитания Детей) и у входа толпились подростки – воспитанники, которых я опасался. Я предпочитал доходить до ворот тети по противоположной стороне, а затем напрямую заходить во двор. Ходил я и к другой тете на Пески. Тут я пережил первое потрясение, когда увидел вместо дивного собора рождества на 6-й Советской ул. (до 1923 года – 6-я Рождественская ул.) груды кирпича. Пожалуй, после этого случая и особенно после непонятого ареста дяди Раши – брата матери, я начал понимать, чего можно ожидать от власти и что надо строго разграничивать поведение в кругу семьи и вне ее. Спасибо моей семье, что сумели правильно, тактично, не заостряя специально внимания и не травмируя мою душу, разъяснить происходящее.

Семья наша была религиозной и вообще «старой закалки». Один-два раза в год меня водили причащаться в Знаменский собор. (на этом месте построена станция метро «Пл. Восстания»). После причастия заходили в булочную на углу и покупали сладости. Когда в 1934 году разрешили ставить на Новый год елку, мы ее не разбирали до Рождества. Подарки мне клали под елку, и я их обнаружил только утром.

На Пасху все ходили к заутрене. К празднику готовили творожную пасху, пекли куличи и красили яйца. Всю пасхальную неделю «катали яйца». Для этой игры на полу тряпочными валиками огораживали площадку и по специальному лотку скатывали яйца, настоящие или деревянные. Если скатывающееся яйцо ударялось в другое на площадке, то это яйцо выигрывалось. В кондитерских и булочных продавали большие шоколадные яйца до 10 см в длину.

на масленицу меня иногда катали на вейке. Вейка – это нарядная санная упряжка. Ее украшали разноцветными лентами, бубенчиками и колокольчиком под дугой. На вейке приезжали чухонцы (карельские финны) из ближайших деревень, везли лихо по набережной Невы и даже по льду. Морозы тогда были настоящие, не то, что сейчас, и лед был крепким, надежным. Даже на реке Фонтанка заливали катки.

По Невскому на Волковском кладбище возили покойников на катафалке. Катафалк – это специальная упряжка, на которую ставили гроб. Лошадь накрывалась попоной, и голова ее украшалась султаном. Процессия, иногда многочисленная, шла за гробом «похоронным» шагом, а впереди, бывало, шел духовой оркестр.

В то тяжелое, голодное время повсюду стояли очереди. За керосином, например, стояли около 4 часов. Стояла мама с книжкой, а я ее подменял пойти поесть, погреться.

Продукты и промтовары выдавали по «Заборным книжкам». В эти же годы происходила замена паспортов и вот появилась частушка:

Старый паспорт отобрали,
Нового не выдали,
Заборны книжки измарали,
С Ленинграда выгнали.

Папа, как научный работник, был прикреплен к «закрытому распределителю» Дома ученых. Там можно было получить дополнительные продукты. Помню, как-то мама принесла оттуда селедку, и коробку монпансье. Магазины тогда называли «кооператив», но были еще частные и «торгсины» (торговля с иностранцами). В кооператив, булочную и в другие магазины ходила мама, иногда со мной, иногда посылала меня одного. Торгсины торговали по бонам, полученным за сданные драгоценные металлы или за иностранную валюту. Мы торгсинами не пользовались. Появилась пародия на стихи Пушкина, из которой я помню только начало: «У Лукоморья дуб срубили, золотую цепь в торгсин снесли, кот в котлеты изрубили, русалку паспорта лишили, а лешего сослали в Соловки».

Летом к спуску около Аничкова моста пригоняли баржу с керамическими изделиями. Чего там только не продавали: миски, горшки, рукомойники, тазы, всякие игрушки – зверьки, куклы, свистульки и т. п. Побывать на этой барже было настоящим праздником.

Жили мы очень скромно. Я носил «гигиеническую прическу» (стрижка под «0») и короткие штаны с чулками или носками до 5 класса включительно. Штаны мне мама шила сама на ручной машинке Зингер. Из одних мужских брюк – двое штанов. Как-то мы собрались в Выборгский дом культуры на гастрольный вечерний спектакль МХАТ. Вообще дети до 16 лет на вечерние спектакли не допускались, но часто администратор разрешал. Шел «Сверчок на печи» по рассказу Диккенса. И вот меня не пустили как слишком маленького, хотя я и был высокого роста. Я расплакался, и мы уехали домой. После этого мне впервые сшили длинные брюки.

Новой мебели мы не покупали. В обиходе были два больших дощатых стола. Один, как обеденный стоял на кухне-столовой, покрытый скатертью, а второй в спальне. За ним мама любила шить и читать.

Папа готовил свою диссертацию стоя у рояля или сидя в кресле, а я крутился около него. Вообще он очень много работал, часто ездил в командировки. Позднее защитил докторскую диссертацию, имел звание профессора, был лауреатом Государственной премии и награжден орденом Ленина.

С детства он увлекался спортом. Юношей в футболе был нападающим. Он носил бороду, и товарищи кричали: «Берегись, Старик наступает!» В зрелом возрасте старался не пропустить ни одного интересного матча. Вообще футбол в те годы пользовался большой любовью. На стадионы народ просто ломился, билеты было трудно достать. Сам отец в эти годы регулярно ходил играть в теннис при Доме ученых. Любил участвовать в азартных играх. Часто ходил на ипподром – ул. Марата 90 (там сейчас находится ТЮЗ), любил ставить на тотализатор. На хозяйственные нужды у нас лежали старые программы на рысистые испытания жеребцов и кобыл. В программе указывались кличка лошади, имя жокея и цвета его униформы. В дни отдыха папа играл с друзьями в карточную игру бридж. Засиживались часто до глубокой ночи.

Мама, выпускница консерватории, давала на дому уроки музыки. Бабушка Таня, мать моей мамы, работала в библиотеке, но речь о ней еще впереди.

Я рос в очень музыкальной семье. Родители играли на рояле, а папа даже писал романсы. Издать их тогда отказались, так как нашли слишком несовременными. В «салоне» по праздникам собирался квартет: папа или мама сидели за роялем, мамины братья играли, на скрипке – Коля, на виолончели – Раша. Альтиста приглашали знакомого. Я забивался в уголок дивана и слушал, как замороженный. Брат отца Юра хорошо пел, одно время даже в опере. Мамина двоюродная сестра, тетя Шура, пела с ним дуэтом, а часто и одна.

Мы очень любили ходить в театры, особенно в Мариинский на оперы. Старались достать «золотые» и «бриллиантовые» места, хотя это было и не так просто. Так мы называли 1 и 2 ряды галерки. В театр ходили со старым цейсовским биноклем. Помню Печковского Н. К. в «Евгении Онегине», «Пиковой даме» и «Отелло». Слушали с ним оперы по несколько раз. «Печковистки» устраивали своему кумиру дикие овации. Тетя Шура (не та, что пела) с подружкой старались не пропустить ни одной оперы с ним. В общей сложности они слушали эти оперы раз по сорок!

Ходили мы и в драму. Помню артистов Александровского театра – Юрьева, Горин-Горайнова. Приезжала на гастроли актриса Алиса Коонен, которую мы видели в пьесе «Стакан воды» в театре на Фонтанке.

У бабушки – Татьяны Рафаиловны Кокуевой – до революции был большой собственный дом в Ярославле. Она была гостеприимной и хлебосольной. Кроме своих в доме собиралось много молодежи. Тогда любили играть в горелки, лапту, городки и много пели или в гостиной, или на сеновале. Иногда разыгрывали спектакли, и даже оперы. Одну из них я запомнил по рассказам мамы:

Действующие лица. Марионетки: король и министр,

Хозяин театра, Девочка-сиротка, Крыса с крысятами.

Музыку писал отец, а чьи слова – не знаю.

Дуэт министра и короля, потом вступает крыса.

– Ваше королевство, слышите, какие страшные, ужасные начались сборы?

– Господин министр, крысищи какие! Мирные предложьте им переговоры.

– Не могу со страху шевельнуть руками, все веревки спутались, уж начните сами.

– Ах, какая жалость, это крайне трудно! Сударыня, что Вам будет нужно?

– Мы голодаем, и мы желаем отъесть хоть крошечку да понемножечку откусим мы от вас

и в тот же час, конечно, пустим мы на волю вас.

Король, отдайся добровольно, чтоб даром время не терять.

– Но это будет очень больно, когда меня начнут глотать.

– Ха-ха-ха-ха хи-хи-хи-хи с тобою сущие грехи.

Конечно, с непривычки жутко, но ты король, а не малютка и волноваться Вам не стоит, когда я голову отъем,

Вас это сразу успокоит.

– Но уверяю же я Вас, во мне нет никакого вкуса.

– Впервые вижу я сейчас такого искреннего труса!

Ребятки милые, за мной, хватайте силою его с собой.

Входит сиротка, поет она, затем король.

– Что это там за шум, какие беспорядки? Грызутся под полом мышатки?

Не вышла бы беда какая тут. Пожалуй, крысы кукол изгрызут.

– Ах, дама благородная, вот крысища негодная марионеток хочет съесть, но в Вашем сердце жалость есть, и Вы, мое сокровище, от этого чудовища спасите короля.

– Ах, крысище негодная, помещица подпольная, смотри, ты, берегись, а то пойду я к кошечке, покличу: «кись-кись-кись».

В благодарность куклы поют сиротке хором, потом хозяину.

– Ты избавила нас, дорогая, от беды и напасти такой.

Если доля томит тебя злая, за тебя постоим мы горой.

– Слушай, хозяин, эту сиротку должен ты взять вместо дочки себе.

Жить ей одной будет очень уж тяжело, бросить сиротку – стыдно тебе.

Что же ты думаешь? Пользу большую может она при игре оказать.

Часто один ты устроишь такую глупость, что куколкам стыдно играть.

Хозяин поет.

– Ну и диковинка! Не сплю, а вижу, как во сне.

Ведь этих кукол сделал я, никак не ожидал, чтоб говорить они могли.
Куклы поют хором
– А вот теперь слышал!

Мама и бабушка хорошо знали французский и немецкий языки и регулярно брали книги в библиотеке иностранной литературы на Моховой улице. Авторы и названия прочитанных книг аккуратно записывались в тетрадь. Иногда с этой тетрадью за книгами ходил я. Мама старалась со мной говорить и читать через день по-французски и по-немецки, что я делал без особой охоты. Мне казалось, что я ничего не запоминаю, и только потом, уже взрослым, я понял, что языки знаю не так уж плохо.

К нам часто приходила родственница Наталья Михайловна Корнилова, которая очень дружила с бабушкой и немного занималась со мной немецким. С удовольствием она ела у нас «конкретный», т.е. густой суп, а потом дремала сидя в кресле. Она осталась одинокой и жила бедно, но до последнего дня сохранила благородство и глубокую интеллигентность, как и моя бабушка.

Приходила к нам еще и Мария Михеевна Серова – подруга бабушки. Я ее называл «тетя-сказка». Она всю жизнь посвятила сбору народных сказок, в основном, в Псковской и Новгородской областях. Сказки эти она рассказывала, подражая местному говору, и все мы ее очень любили.

Мария Михеевна Меерова собрала богатейший материал, но опубликовать удалось очень немного. Я бережно храню оставшиеся у нас изданные ею книги. После ее смерти весь собранный материал оказался никому не нужным и бесследно пропал в коммунальной квартире.

Школьные годы

Отдали меня сразу во второй класс 23-й средней школы Куйбышевского района (бывшее коммерческое Петровское училище) на Набережной р. Фонтанки д. 62 у Чернышева моста (ныне мост Ломоносова). Эта школа считалась с химическим уклоном, мои родители хотели, чтобы я шел по стопам отца. Попал я во 2^В класс. (Классы разделялись по буквам). В классах было человек по сорок. Учительницей была Александра Григорьевна Делле.

30-е годы были годами исканий и экспериментов. Запомнился мне бригадный или комплексный метод. Учебник был один на бригаду (человек шесть). Он состоял из отдельных листов в папке. Каждый брал себе из папки нужные листки и готовился по напечатанному там рассказу. Отдельных предметов не было, а изучалось все попутно, что встречалось в рассказе. Урок отвечал кто-то один, а отметки ставились всем членам бригады. Отметки же до самой войны 1941 года были словесным: неуд, уд, хор, отл. Одно время вместо "уд" велено было ставить "пос" (посредственно). С 4-го класса ввели отдельные уроки по предметам.

Хочется выделить такие уроки, как труд, где мы занимались все вместе и мальчики, и девочки. По столярному делу на уроке мы изготавливали деревянный метр с делениями. При этом пользовались ножовкой, лучковой пилой, шерхебелем, рубанком, фуганком, рейсмусом, угольником и др. По слесарному – делали металлический угольник с фаской. Здесь мы начерно обработанную заготовку купоросили (покрывали микрослоем меди) для удобства ее разметки. Учились правильно держать напильники: драчевый, бархатный. Занимались также картонажем – клеили коробочки и шитьем – вручную ставили заплатки. Как все эти навыки пригодились мне в жизни!

На уроках Музо мы знакомились с композиторами и их произведениями. Пели мы «Третью песнь Леля» – «Тучка со громом сговаривались», народную песню «Пройдись, Катя, горенкой, топни, Катя, ноженькой...» Мальчики, естественно, пели вместо горенкой

– голенькой. Помню еще еврейскую песню «Зонтаг – бульбе, монтаг – бульбе...» О том, что еврей всю неделю ел только картошку. Из революционных песен пели «Коминтерн» «Заводы вставайте, шеренги смыкайте...» Все, что мы пели, въедалось в память и большинство слов я помню до сих пор.

На уроках Изо нас учили рисовать из головы и с натуры – геометрические фигуры и детали машин. По черчению знали стандартные размеры бумаги, использовали рейсшину, циркуль, угольник и лекала.

На Физо прыгали через козла, коня, в длину, в высоту; лазали по шесту и канату, упражнялись на шведской стенке. Занимались немного и спортивными играми – эстафета, волейбол.

Фасад у школы был запущенным, но классы чистые, просторные, светлые. Перемены мы отдыхали в больших специальных рекреационных залах. Конечно, много бегали, шумели, возились и, бывало, дрались. Помню игры того времени. В «Слона» – ребята одной группы стояли, согнувшись головой к стене, а вторая группа на них напрыгивала все выше и выше. Если последний, напрыгнув, ударял три раза в ладошки, то группы менялись ролями. В «Маялку» – согнутой в колени ногой местом около ступни подбрасывали волан. Соревновались, кто большее число его ударит. Играли и в «Перышки – писали перьями, вставленными в «вставочку». Перья для писания были очень разнообразны. В игре надо было своим пером дважды перевернуть перо противника – любым способом (вприщелку, вподковырку). Если это удавалось, то перо считалось выигранным, и можно было браться за переворачивание следующего. Не только мальчики, но и девочки ходили с набитыми перышками карманами и сумками.

Девочки же больше играли в «Воротики» и «Каравай» с соответствующим пением хором.

Одевались по-разному, у кого что было. Во внешкольное время мы много играли вместе и занимались спортом, много читали. Почти каждый школьник был записан в библиотеку. Любили читать приключения. У кого сохранились старые книги, такие как Есенин, Чарская, Всеволод Соловьев, Александр Дюма, Джек Лондон, Конан Дойль и т.д., их потихоньку передавали друг другу. Многие из этих авторов считались идеологически вредными, были изъяты из библиотек, и на виду их было лучше не читать – могли просто отобрать!

Настольных игр продавалось много, но азартные, такие как карты, домино, лото с бочоночками, не поощрялись. Детские лото были очень разнообразными и на любые темы: природа, флора, фауна, страны и континенты, города и архитектура. Надписи на обороте кроме русского делали еще на иностранных языках – немецком, французском, английском. Были еще такие игры: Старайся вверх (цирк), Рич-рач, Черный Петя, Бирюльки, Гальма (уголки), Литераторы и др. Описывать их здесь я не имею возможности.

Карты у нас в семье любили, несмотря на жесткую антикарточную пропаганду. С бабушкой мы вдвоем играли в безик, бб. При большем числе игроков любили дурака в различных вариантах, свои козыри, вив-лямур. В 11 лет я уже научился играть в преферанс. Ставки делали по 1/10 коп. Это дисциплинировало игроков, заставляло к игре относиться серьезно. В шахматы и шашки играли тоже много.

В больших дворах, Летнем саду и на специальных площадках играли в классики, городки, серсо, лапту, жид-жидовки (упрощенная лапта для троих), волейбол через веревочку и даже теннис. Настольный пинг-понг еще только начинал у нас появляться.

Вечерами и в свободные дни часто ходили на каток и выезжали в пригороды на лыжах – Сосновку, Парголово, Поклонную гору и др. Катков заливали тогда много: на всех стадионах, два в Таврическом саду, на ул. Правды, где сейчас интернат, во дворе кинотеатра «Колизей» (Невский 102) и т.д. Ходили сем классом и катались, в основном, на хоккейных коньках, некоторые на беговых, нурмес и фигурных. Начинающие катались на Снегурках, которые имели большой закругленный нос и привинчивались прямо к уличным ботинкам. На катках играла музыка, для начинающих давали напрокат кресла.

Массивные кресла были на широко расставленных коротких полозьях и, держась за них, легко было учиться. В кресло можно было кого-нибудь посадить, как на финские сани. Катались парами, «змейкой», играли в пятнашки.

На Невском, против улицы Марата, находился первый крематорий. Вход был платный, и посетители смотрели, как сжигают покойника. Я сам туда не ходил, но ребята много рассказывали. Говорили, что покойник вдруг поднимался – это очень пугало и потом стали им подрезать сухожилия.

Как я уже упоминал, в городе было в тридцатые годы много беспризорных детей, которых обычно называли «гопниками». Они любили греться в канализационных люках и смотрели на прохожих, приподнимая крышки: грязные, заросшие, оборванные.

Учились в нашем классе ребята и из очень бедных семей. Помню Колю Морозова, который жил в соседнем доме и всегда ходил в одном пиджаке. Два брата – переростка Зубковых были тоже из бедной семьи, но все старались подтянуться и не очень отставать. Над нашей школой шефствовала типография им. Володарского, расположенная на противоположном берегу Фонтанки. Она для нас издавала школьную «Красную газету», и один из Зубковых был в ней юнкором. Ребята нашей школы часто выступали в клубе при типографии. Как-то там выступал 5-й класс на немецком языке и меня посадили читать вместе с ними стихи. Я был высокого роста и, учась в 3-м классе, немецкий знал лучше этих пятиклассников.

У школы было большое подвальное помещение – настоящие катакомбы. Мой одноклассник – Володя Кавалеров – жил в школьном же доме и с малолетства лазил по подвалу – катакомбам. Однажды он решил мне их показать и повел туда. Долго он меня водил по всяким закоулкам, через незапертые двери, длинные коридоры. Брось меня там – я бы не выбрался!

После 5-го класса часть учащихся перевели в 6-й класс 9-й школы на Фонтанке, 36. Это бывший Екатерининский институт благородных девиц. В войну там был госпиталь. А после войны – филиал Российской национальной библиотеки. Задний выход из школы вел в садик на Литейном пр. В этом садике мы обычно и занимались физкультурой. Летом – бегали, прыгали, устраивали кроссы. Зимой – ходили на лыжах. Лыжами нас обеспечивала школа. С местными ребятами мы сошлись довольно быстро, но те девочки нам показались слишком взрослыми, развитыми, парни слишком самостоятельными, независимыми.

В эту школу я тоже ходил пешком, но, бывало, ездил на трамвае. По Невскому тогда ходили №№4, 7, 12, 13, 24, 34. Каждый маршрут имел свои опознавательные огни, расположенные рядом с номером маршрута. Вагоны были с незапирающимися площадками, так что легко было входить и соскакивать на ходу. Я, если ехал, то соскакивал, когда трамвай замедлял ход, поднимаясь на Аничков мост. В конце 30-х годов появились трамваи с плотнозакрывающимися дверьми. Их называли «американками».

Вблизи от школы – Невский, 68 – находился пневматический тир, куда мы после школы заходили пострелять. Вплотную к школе примыкал Фонтанный дом графа Шереметьева. В нем до самой войны был открыт «Дом занимательной науки». Нам нравилось там бывать. Из всех экспонатов я хорошо запомнил только два. Первый был по существу счетчиком оборотов. Он состоял из шести стрелочных указателей, связанных зубчатыми передачами. Шестой указатель показывал сотни тысяч оборотов и на конце имел отметку миллион. Ручку крутили только в одном направлении. Так вот, за три года, когда ручку вертели все посетители, последние три стрелки почти не сдвинулись с места. Второй – демонстрировал теорию вероятности. Плоский прозрачный сосуд был разделен на 9 частей. Мелкие легкие крупинки сыпались над средней частью сосуда, они ударялись о штырьки и разбрасывались. Предвидеть куда упадет отдельная крупинка – невозможно, но заполнялись части строго по правилу теории вероятности: средняя – наиболее полно, а чем ближе к краям, тем крупинок попадало меньше.

Иногда компанией ходили в кино. На моей памяти «великий немой» заговорил. Это произвело на нас большое впечатление, но помнится только фильм «Чапаев». Первыми

цветными фильмами были три американские короткометражки: «Кукарача», «Три поросенка» и «Маленькие пингвины». Смотрели мы их, как замороженные.

В школе преподаватели были очень хорошими, все запомнились, как личности. Учитель географии – Михаил Васильевич Лавровский – преподавал нам и астрономию. Это был эрудированный человек, много поездивший и повидавший на своем веку. Он хорошо разбирался в искусстве, сам играл на нескольких инструментах и никогда ни на кого не повышал голоса. Нам приходилось много географических названий выучивать наизусть. Только потом я оценил несколько это правильно. Учительница русского языка – Мария Ивановна ... – сумела нам привить любовь к хорошему, литературному русскому языку, к стихотворениям. По программе мы проходили Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского, Блока, но я выучивал стихотворения не только в объеме программы. Когда в армии я стоял на посту, то два часа я мог их декламировать. Учительница математики – Мария Исааковна Хайнман – сразу заметила мою тягу к математике и все время ее поощряла. Я участвовал в нескольких олимпиадах, ходил в математический кружок при университете, а потом при Дворце пионеров. В последнем он назывался «Научная станция для одаренных школьников». Нас знакомили с теорией множеств, неевклидовой геометрией давали задачи типа: «Найти энный член прогрессии и сумму эн членов».

В десятом классе вдруг разрешили учиться танцам. До этого танцы считались пережитком капиталистического прошлого. И вот курьез – танцы пришел преподавать тот же учитель, что учил в свое время благородных девиц. Показывал он нам балльные танцы: вальс, медленный и быстрый фокстроты па-де-патинер и др. Он терпеливо и очень изящно показывал различные па: шассе вправо, шассе влево, шассе поворот.

По некоторым предметам не было учебников, и мы писали конспекты. Между линейками тетради в клетку я умещал три строчки. В 1937 году нас заставили в учебниках истории вымарывать фотографии «врагов народа»: Блюхера, Пятакова, Тухачевского, Рыкова, Якира и др.

Вот некоторые памятные события этих лет. Мы почти всем классом ходили на вокзал провожать одноклассника Леву Скачкова. Его выслали из нашего города, как сына «врага народа». Тяжелых последствий это не имело, но замечание нам сделали. Мама с бабушкой регулярно собирали посылки, находящиеся в заключении дедушке – отцу Сергию – в Усть-Цильму на Печоре и дяде Раше – брату мамы – на Соловки. Он там работал нормировщиком, и я покупал для отправки ему серию книг «Единые нормы выработки и расценки». После Соловков дядя Раша работал на Сиверском конзаводе, где его опять арестовали, якобы за вредительство и выслали неизвестно куда. Бабушка подала официальный запрос о его местонахождении. И вот глубокой ночью пришли милиционер с дворников и забрали бабушку. Наготове всегда имелись подушечка и теплые вещи. Добавив к ним что-то поесть, бабушка взяла пакет и ушла. Всю ночь никто не могу уснуть: Утром она возвращается. Оказалось, бабушку «вызвали» просто чтобы дать ответ на запрос.

Я не был ни пионером, ни комсомольцем, да на меня особенно и не нажимали, хотя я хорошо учился и выполнял обязанности «учебного сектора».

Подытожу. Дедушку – Сергея Николаевича Лилеева – священника «брали» четыре раза, только за то, что он был «служителем культа». В конце концов, его расстреляли в 1937 году и реабилитировали в мае 1989 года. Дядю – Рафаила Рафаиловича Кокуева – «брали» два раза, и умер он в ссылке в Самарканде. Двоюродного брата отца – Александра Михайловича Невского – инженера-мостовика – просто расстреляли.

Мы все жили в постоянном страхе, боялись хранить дневники, письма, фотографии, уничтожалось все, что могло «скопроментировать». Так после прочтения, были сожжены 4 толстые тетради дневника дедушки – отца Сергия. А ведь он был как-то даже при дворе. Из фотографий вырезали родственников в царской военной форме, и вместе с письмами все уничтожалось. Ведь неприятно и опасно, если все это будут читать и изучать «органы».

Бабушка вынуждена была бежать в Ленинград из Ярославля, бросив все. У нее в городе был собственный каменный двухэтажный дом общей площадью 500 кв.м. с паровым отоплением, где трубы нагревали полы комнат. При доме были хозяйственные постройки, конюшня, сеновал. В селе Щекотово на реке Вондель в 25 километрах от города была усадьба с двухэтажным домом и большим числом надворных построек. При доме был фруктовый сад и цветник площадью 4 десятины. Еще было четыре десятины хозяйственной земли для огорода и корма скоту. Были выездные и рабочие лошади. Жили богато, много жертвовали на сельскую церковь. В то время она была одной из богатейших в губернии. Сейчас остались развалины, но издали еще видны колокольня и купол.

На реке были оборудованы две купальни, и к ним вела грабовая аллея. Бабушка была строгой, хозяйственной, но очень доброй и справедливой. В селе Кокуевых любили и уважали. Они выписывали сель.-хоз. машины и сами управлялись с хозяйством. Все четверо детей: моя мама, два брата и сестра хорошо ездили верхом, любили прогулки и путешествия, музицировали и пели.

В Ленинграде бабушка окончила библиотечные курсы и зарабатывала себе пенсию, работая в школьной библиотеке.

В семье сохранился старый семилитровый самовар. Он, как потом выразилась мама «спас нам жизнь». Самовар этот в блокаду топили наиболее калорийной мебелью – столом красного дерева, дубовыми стульями. Бабушка сама, пока еще могла, носила выменивать на хлеб и продукты сохранившиеся ценные вещи – корниловский сервиз, два больших ковра, букинистические книги. Скончалась она 25 июня 1942 года.

Здоровая, спокойная жизнь моих предков укрепила их здоровье, да и мое тоже. Бабушка сохранила почти все зубы до последнего дня, я поставил первую пломбу только после 30 лет. В лагере, болея цынгой, я пальцем запихивал зубы на месте, если при еде они вылезали.

Каждое лето мы выезжали в город, снимая дачу в различных пригородах. Восемь лет подряд с 1930 по 1937 годы, мы снимали дачу на Карельском перешейке на ст. Кавголово. Это была пограничная зона, и нужно было ежегодно выписывать пропуска. До финской кампании 1939 года пригородные линии с Финляндского вокзала были короткими: Ириновская, Васкеловская, Белоостровская, Сестрорецкая, дальше уже была Финляндия. Поезд-паравичок тащился до станции Кавголово часа два, а там еще четыре километра до деревни Койве-Кюля, раскинувшейся километров на пять. Она состояла из отдельных хуторов, и в ней насчитывалось более десятка озер. Мы снимали дачу у Фомы Ивановича Пухилас. Вещи для дачи упаковывались дома и зашивались в рогожу. Ф. И. приезжал к нам в город на лошади и вместе с вещами брал меня – 11-14-летнего мальчика. Ехали мы через Мурино, Девяткино, Токсово. Мама с бабушкой от ж.-д. станции обычно шли пешком. Первые года местные жители вообще ничего не запирали, но вдруг Ф. И. стал везде вешать замки, и нам таинственно объявляли, что «капари пришли». Видимо, он имел в виду рабочих, начавших строить дорогу через Токсово на Матоксу. И действительно, в одну из страшных ураганных ночей из свинарника украли свинью, на месте ее выпотрошили и тушу увезли.

Хутор стоял на горе, а внизу были колодец и баня. В бане я мылся с хозяином и его сыном, чуть моложе меня. После парилки мы втроем обливались водой прямо из колодца. Все лето мы с мамой обязательно по утрам купались. Если шел дождь, то накидывались плащом. Благодаря погранзоне леса были полны грибов. Я любил уходить за два болотистых озера в старый осиновый лес. Болота проходил по гати или проложенным жердочкам, но зато грибов набирал любые корзины полными. Даже осенью я один приезжал в Ф. И. с ночевкой и привозил домой много грибов.

С 1936 года крестьян из Койве-Кюля стали выселять, так как эти земли отходили под полигон. В 1937 году мы еще там снимали дачу, но ближе к железной дороге, а уже в 1938 г. пришлось ехать в Прибытково возле поселка Сиверский. Там мы познакомились с семьей Белоусовых, близкой к театральным кругам. Их сын был мне ровесник, а дочка на

два года моложе. К ним в гости приходили артисты Печковский, дача которого находилась поблизости и его друг Ульянов, тоже артист. Вот в такой компании и мне доводилось сидеть за столом. Несколько раз я был у них в городе на днях рождениях, там я впервые попробовал десертное вино. К приходу гостей хозяева много готовились, подготавливая хорошее угощение и подготавливая материал для массовых игр. Играли в обычные детские игры, но особенно любили шарады. Одна группа ребят пантомимой поочередно изображая части загаданного слова. Если вторая группа отгадывала слово, то они менялись ролями.

В июне 1939 года у нас было торжественное вручение аттестатов, а затем выпускной был в актовом зале. Выпускники много танцевали, а затем всю белую ночь гуляли по Неве, по Невскому.

Мы – три друга – поступили довольно легко в Химико-Технологический институт.

Потом пойдут – призыв в армию, «школа младших командиров», Эстония.

Глава 2. Эстонцы

Впервые меня судьба забросила в Эстонию осенью 1940 года, когда я служил в армии. По новому указу призвали меня в РККА¹ в ноябре 1939 года, когда Прибалтику уже присоединили к Союзу. В институте я проучился всего два месяца. Попал я в войска связи в школу младших командиров, где проучился около года, а затем меня перевезли в ОБС (Отдельный батальон связи) и отправили в Эстонию на остров Эзель (Сааремаа) – место нашего назначения. По дороге, еще в России мы около месяца стояли в г. Кингиссепе (бывш. Ямбург), где я был причислен к конзаводу. Мы без седел верхом скакали на р. Лугу купать коней. Там, на берегу, мы проводили по несколько часов. Так продолжалось около месяца.

К берегу пролива, для переправки на остров, нас везли ж.-д. эшелонам через всю Эстонию, далее на остров – в трюме не то парома, не то парохода в ненастную, дождливую погоду. Наш батальон расквартировали в центре г. Курессаара (тогда он был тоже Кингиссепом). Это главный город на острове с крепостью и большим парком вокруг.

Как самого грамотного из новобранцев меня назначили библиотекарем-почтальоном, и поэтому я находился на особом, довольно свободном положении. (Это тоже везение!) Я ходил на почту забирать на весь батальон письма и газеты, выдавал солдатам книги. В это время наше государство перешло на шестидневной недели на обычную, семидневную.² В расписании работы библиотеки я написал: «по воскресениям... по будням...» Политрук части этим страшно возмутился. Мне удалось его убедить оставить «воскресенье», но слово «будни» он заставил вычеркнуть. У меня были два книгоноши – солдаты, разносившие почту и книги по взводам, расквартированным вдали от города.

Библиотека находилась в отдельной двухкомнатной квартире, там в холодную зиму я любил сидеть у жарко натопленной печке, думать, мечтать. Свободно гуляя по городу, я прислушивался к эстонской речи и музыка языка меня завораживала, чувствовалось что-то близкое, родное.

В детстве мы 8 лет жили на даче под Питером (тогда Ленинградом) в дер. Койве-Кюля, в 5 км от ст. Кавголово. Кругом все были крестьяне-чухонцы (карельские финны). Я играл с местными детьми и старался понимать их финский язык, как оказалось очень близкий к эстонскому.

В Курессааре меня поразили две вещи: большое количество велосипедов и знание всеми иностранных языков. На велосипеде ездили и дворники с метлой, и старушки с корзинками, и молодежь в кино или клуб. Велосипеды оставляли в стойках, имевшихся в изобилии по всему городу. Продавцы, обслуга в ателье хорошо знали два-три языка, включая русский.

Там мне пришлось пережить жуткие ночи, когда выселяли целые эстонские семьи, как в свое время, еще до войны, из Ленинграда – немцев. Слышны были крики, плач, вой, так как людей бросали в машины как попало: детей отдельно от родителей, больных, инвалидов, стариков отдельно от родни. У мен до сих пор в ушах эти кошмарные звуки.

В часы досуга мне нравилось заходить в маленькие кафе, совмещенные с пекарней. Подавали там кофе и булочку. Несли ее горячую в полотенце, прямо из печки, а сахар и сливки стояли просто на столе. Я приносил с собой сливочное масло из магазина и наслаждался вкусной едой, тишиной и покоем. Масло стоило там тогда 8 рублей 50 копеек за килограмм. Русские деньги начинали только входить в оборот.

¹ Рабоче-крестьянская Красная армия.

² В СССР с 19 октября 1929 года была введена пятидневная рабочая неделя. (4 дня рабочих по 7 часов, 5-й день – отдых.). С 1938 г. по 26 июня 1940 г. действовала шестидневная рабочая неделя. Названия дней, особенно субботы и воскресенья, считались пережитками религиозного прошлого, поэтому они назывались: первый день шестидневки, второй день шестидневки и т.д. Шестой – день отдыха.

С острова командир части майор Аниприев командировал меня в конце мая 1941 года в Ленинград для подбора очков. Спасибо ему – я в последний раз повидал бабушку и других близких. Мои тогда отдыхали на станции Горы под Мгой.

Так прошли почти два года моей срочной службы, и осенью 41-го года я должен был уже демобилизоваться, сшил себе костюм у эстонского портного, строил планы. Но вот началась война.

Остров, где мы стояли, имеет длинный узкий полуостров Сырве в Ирбенском проливе Рижского залива (тогда этот полуостров называли Церель). И вот немцы, наступая, загнали нас на этот полуостров. Мы выдержали бои на трех линиях обороны с жестокими боями. Наконец всех оставшихся в живых немцы забрали в плен и подготовили к отправке на материк. Везли нас в трюме парома, затем на теплушках прямо на неубранном навозе. Привезли нас в город Валга и поместили в большие бывшие конюшни. Нас забили туда более 7 тысяч, и те, кому не хватало места на полу, забирались на балки. Весь день уходил на полученные баланды. Эти тысячи шли бесконечной шеренгой строем по 8 человек к походным кухням. Еду получали кто в каску, кто в консервную банку, старую кастрюлю и т.п. Отобедавшие и все равно голодные, мы возвращались в лагерь партиями по 100 человек. Вернувшиеся первыми занимали места получившие на полу в уголке. Обычно я возвращался в последних сотнях и мне негде было устроиться подремать. Так прошли изнурительные недели.

Наконец я решил попасть в первую сотню и расположиться в конюшне поудобнее. Для этого я побежал наискосок через поле напрямик к началу колонны. Поднялась стрельба, кого-то передо мной застрелили, я через него перескочил и оказался в первой сотне.

Как мне повезло! Я попал в первую тридцатку, которую приехавшее немецкое командование отобрало для отправки по крестьянам. Нас голодных, истощенных, чуть живых, привезли в г. Тарту и поместили в синагогу. К ней стали съезжаться крестьяне – эстонцы набирать себе батраков. 10 человек, включая меня, забрал к себе хозяин хутора «Ветряная мельница» для уборки картофеля. Как он нас, бедных, кормил! Простая обильная еда: картофель, овощи, свинина, молоко, хлеб.

Погода стояла хорошая, силы начинали возвращаться и всего меня охватило какое-то безграничное счастье. Вышел я вечером за околицу, видны бесконечные дали эстонской земли. Покой, тишина, эх, видели бы мои, как мне хорошо! А мне ведь опять повезло! Когда закончилась уборка картошки, нас по одному, по два стали разбирать соседи. Я попал в культурную, интеллигентную семью. Хозяин Вальтер Рооз был агроном-консультант, учившийся в России, но много пострадавший от советского насилия. Со мной он был сурово-доброжелателен. Научил меня всем сел.-хоз. работам: запрягать лошадей, пахать, косить, укладывать воз сена, пасти коров (их было шесть), заготавливать дрова и хворост.

«Лошадь вычисти и запряги так, чтоб видно было, что едет хозяин, а не какой-то там колхозник!» «Почему у тебя коровы улеглись? Они должны пастись и есть. Лежать будут ночью и пережевывать свою жвачку».

Хозяйка – Лейда Рооз – была работящая и добрая. По-русски знала только два слова: ложка и рукавица. Я быстро освоил обиходный язык, будто вспоминая что-то давно забытое, но близкое. Я целый день помогал хозяйке со скотиной и по дому. Утром в большом ушате на палке мы несли коровам корм, приготовленный из картофеля, крупы и добавок. Я убирал из-под скотины грязную солому и стелил чистую. У всех коров имена начинались на букву «М». С ними я обращался запросто, они меня слушались. При необходимости я держал корову за рога, крепко обхватив за шею.

Этот прием пригодился, когда мы всей семьей, жена, дочка и я, жили на даче на хуторе. Хозяева куда-то уехали, а мы остались с их маленькой дочкой. Год был исключительно урожайным на огурцы, ими кормили даже скотину. Вдруг девочка бежит к нам и говорит, что слишком большой кусок огурца застрял у теленка в горле и он задыхается. Я схватил его указанным приемом и выдавил пальцами огурец обратно в рот. Теленок был спасен!

С еще большим удовольствием я работал в конюшне. Чистить лошадей надо было очень тщательно и часто. Я задавал им корм: сено, овес и давал большой кусок соли, который они лизали, а иногда и грызли. Зимой я любил греть руки у лошадиных губ. Губы эти такие приятные, мягкие и теплые.

Была у хозяев и пасека – ульев шесть. Их обрабатывал пчеловод, который регулярно приезжал на хутор. Мед качали они вдвоем с хозяином. В довершении скажу, что в стойле находился загон с 10 овцами и отдельный свинарник с 2-4 свиньями. Курятник примыкал прямо к избе, это был, в то же время, сарай для телег, саней и пр.

У хозяев было трое детей: Мари шести лет, Эви четырех и мальчик Антс двух лет. Я их очень любил, да и они ко мне быстро привязались, всюду за мной бегали. Вечерами частенько я читал им сказки по-эстонски. Я сам почти ничего не понимал, а им нравилось и меня просили читать еще и еще. Мне кажется, что язык лучше всего постигаешь в общении с детьми. Как не повезло, что я попал в эту семью! Она, эта семья, спасла мне жизнь, укрепила меня физически и духовно.

Много лет спустя, волею Всевышнего, мне довелось Вальтера и Лейду проводить в последний путь. Это принесло мне духовное успокоение.

На хутор я попал в армейских ватных штанах, у которых почти вся вата сползла вниз. На гимнастерке и на шинеле масляной краской были написаны, как у всех советских военнопленных крупные SU – Советский Союз. Эстонцы это расшифровали как surm (смерть), а я как sulane (батрак). На ногах были старые кирзовые сапоги. Лейда меня одела в зеленый костюм, спитый из домотканого полотна. На ноги мне сделали пастлы – нечто вроде кожаных лаптей. Это национальная эстонская обувь, очень удобная и практичная.

За стол садились все вместе, ели неторопясь. Пили много молока и меня ни в чем не ограничивали. По воскресеньям варился ячменный кофе, который мне очень нравился и я старался остатки допивать на другое утро. Зимой у меня много времени уходило на рубку и укладку хвороста. Однажды в хворосте я обнаружил около десятка яиц, отложенных курицей, как в гнездышке. Я об этом рассказал, и тут Лейда призналась, что они подумали, будто это я их собирал для себя, а теперь убедились в моей честности. Хлеб периодически пекла сама Лейда или ее мама в русской печи. Какую муку для этого брали, я не помню, но хлеб получался душистым и вкусным.

Когда резали свинью, мне надо было помогать держать ее так, чтобы кровь стекала в посудину. Потом они сами делали кровяную колбасу и пекли кровяные булочки.

По соседству на хуторе жил инженер железнодорожник – Раудсепп – женатый на немке. У них было два взрослых сына. Я подружился с этой семьей, заходил к ним в гости, брал читать немецкие книги и слушал пластинки со старыми немецкими и даже русскими песнями. С удовольствием вспоминаю толоки³. Толоку устраивали на том хуторе, куда приезжала молотилка. Если к нам, то резали теленка или поросенка. Устраивалось хорошее обильное угощение, но и работа была горячая. Когда толоку устраивали на других хуторах, то часто посылали меня и даже с упряжкой. Иногда возили зерно на водяную мельницу. Брали меня также возить бревна на реку Ахья для сплава. Лес по распоряжению немецкого правительства, сплавляли для отправки в Германию. Ехало подвод десять – сани с прицепом. Грузили бревна дружно, дружно, но угрюмо. Зима была морозная, снег ослепительно белый, дорога даже голубоватая.

Случались и комичные истории. Раз шестилетняя Мари попросила меня завести полугодовалого жеребенка-кобылу в избу. Мы ее заманили. Вдруг этот маленький жеребенок оказался огромным! Он еле развернулся в избе, чтобы выйти наружу. Другой раз она попросила меня покатать ее на молодых жеребцах. На первом все прошло хорошо. Жеребец был игривый, и я его быстро провел под уздцы по двору до водопоя. Второй же – тяжеловес никак не хотел идти с девочкой на спине. И вот она хлопнула жеребца рукой по крупу. Он как рванет! Вырвал удила у меня из рук. А девочка? Она мгновенно оказалась у

³ Работа миром у кого-нибудь за угощение. По В. И. Далю

меня на шею. Я даже не успел испугаться. Был с этими жеребцами еще один случай. Их обычно пасли на лугу, привязанными на длинных цепях. Вечером в конюшню заводил их я. Как-то я поленился идти два раза и взял их обоих под уздцы. Все шло хорошо. Вдруг откуда-то выскочила молодая кобылка. Мои жеребцы – на дыбы, приподняли меня от земли, но я их все же удержал и благополучно привел в конюшню.

Одна из лошадей – старый мерин Валга (Белый) нуждался в регулярных тренировках ног, чтобы не застаивался. И вот однажды в зимнее воскресенье Вальтер разрешил мне запрячь Валгу в выездные сани и поехать одному на соседние хутора в гости к товарищам – военнопленным. Это было событие! Мои ощущения тогда трудно передать словами: дивная природа, белый снег, тишина, ощущение свободы.

При этой спокойной жизни и мирной работе, в окружении трудолюбивых, спокойных, немного молчаливых, но очень любивших петь хуторян-эстонцев не верилось, что где-то идет война. Пели же тогда в Эстонии на селе очень много. Вся хозяйская семья пела вечерами, а в праздники, взявшись под локти и покачиваясь из стороны в сторону. Особенно много пели под Рождество, и некоторые детские песни я помню до сих пор.

Елку на Рождество ездили выбирать в собственный лес на санях. Казалось бы, весь лес был полон красивыми елками, а выбирали долго, внимательно. Под Новый год ехали вторично за новой елкой.

Через год, в 1942 г., опять осенью, немцы велели сдать всех уже окрепших и отъевшихся батраков-пленных в ту же синагогу для отправки на работы в Германию. Нас проводили уже, как своих близких, снабдив всем, чем возможно. Давали теплую одежду, и еду. Теперь мы уже попали из рук эстонцев в руки немцев.

После войны, отсидев девять лет в Советском лагере в г. Печора (Коми), когда я уже смог вернуться домой и поступить учиться в институт, меня безумно потянуло в те места, где я был молод и счастлив. Первыми я нашел в г. Пярну тех крестьян-чухонцев, у которых мы жили на даче. Они там обосновались, построили свой дом, работали на фабрике и стали настоящими эстонцами. Затем в отпуск с семьей я поехал на о. Сааремаа, где я служил и где попал в плен. Там нас троих (меня, жену и годовалую дочку) в своем доме на лето приютила семья Туулик в ближайшем к г. Курессааре деревне. С этой семьей нас и сейчас связывает крепкая дружба, и мы регулярно переписываемся. Три раза мы ездили к ним на остров и к их семейной дочери в Таллинн.

Наконец, я нашел и своих хозяев из-под Тарту. За это время они много перестрадали, были сосланы в Сибирь, потеряли все, включая дом. Вальтер и Лейда встретили меня, как родного. Мы с женой их часто потом навещали в избе, которую они себе построили в другой деревне. Как-то, провожая нас, Вальтер долго стоял у околицы и махал нам рукой. Слезы стояли у него в глазах и у нас тоже. Оказалось, это было наше последнее свидание. Старшая дочь Мари и сын Антс живут в Тарту, имеют городские квартиры. Эви работала акушеркой и имеет большое хозяйство на юге Эстонии. У всех троих большие дружные семьи, много детей и внуков. Ко всем троим мы приезжали на 50-летие. Праздновали все на широкую ногу, и мы были в числе дорогих гостей, хотя и единственными русскими.

Уже после «перестройки» и отделения Прибалтики Антс пригласил нас к себе на 60-летие, и в это же время скончалась Лейда. Юбилей праздновался поэтому очень скромно. Антс повозил нас на машине по всем знакомым и близким мне местам. В их родительском доме теперь живут другие люди, но землю и лес он как наследник получил в собственность.

Теперь, чтобы поехать еще раз в Эстонию, нужно приглашение для получения визы.

Глава 3. Немцы

Впервые мы увидели немцев вблизи, когда они нам приказали выходить из землянки с поднятыми за голову руками. Нас построили колонной и погнали с полуострова обратно на основную часть острова. На большой, открытой, но охраняемой площадке мы были предоставлены сами себе. У кого-то оказалось мыло, у другого бритва. Мы стали приводить себя в порядок, казалось, что война кончилась – было непривычно тихо, спокойно – мы ведь были изолированы на острове. Говорили, что какой-то генерал-лейтенант бросил нас и сбежал на самолете. Но это слухи, а в реальности – немцы стали выискивать политруков и евреев, чтобы сразу их расстреливать. Однажды я стоял вблизи от немецкого ефрейтора и слышал, как к нему подошел наш солдат и сказал: «Я могу показать коммунистов и евреев». На это немец ответил: «Коммунисты вы все, а еврей ты сам. А ну, снимай штаны». Доносчик срочно смешался с толпой.

Был у нас замполит Баскаков – славный молодой парнишка – он решил выдать себя за убитого младшего лейтенанта, чтобы сохранить себе жизнь, но его сразу выдали свои и...

О дороге до г. Валга и далее до Тарту сохранились самые смутные воспоминания. Далее год на эстонском хуторе и вот опять синагога в Тарту. Много нас туда набили для отправки в Германию. Карантин мы проходили в крепости польского города Демблин, немного южнее Варшавы. Здесь мы прожили месяца три. Кормили сносно, но хлеб был с опилками, как и в дальнейшем, что затрудняло действие желудка. Тяжело было курящим. Удавалось выменивать у поляков вещи на махорку. За солдатскую шинель, например, можно было получить в лучшем случае пачку махорки.

В Демблине мне сразу же пришлось работать переводчиком и помогать при построении. Мое знание языка и молодость, видимо, вызывали удивление, сочувствие и даже уважение у немцев. Как-то у меня вдруг сильно разболелись пальцы обеих ног, и я с трудом передвигался. Врач мне порекомендовал лежать, окутав ноги, чем-то их мазать. Так вот, солдат приходил за мной и просил выйти ненадолго, чтобы помочь при построении.

По истечении карантина нас опять погрузили в теплушки и через всю Германию повезли на запад. Этот этап был самым тяжелым. При погрузке и в дороге нас обыскивали не немцы, как обычно, а украинцы. От немцев можно было спрятать ножик или иголку, а вот от украинцев – ничего. Долго нас вообще не кормили и не давали пить. Я это переносил довольно спокойно – просто спал, закрывшись с головой.

Здесь уместно вспомнить учебный поход, когда мы стояли лагерем в Красном селе. Шли мы с полным снаряжением: скатка (свернутая шинель), винтовка, противогаз, вещмешок и фляга с водой. Погода была жаркая и все изнывали от жажды. Я ее спокойно терпел и лишь иногда прополаскивал рот водой из колпачка фляги. Изнывающим товарищам я тоже давал по глотку. Вернувшись из похода, все чуть не с дракой бросились в умывальник, а я дождался, когда стало посвободнее, и тогда напился.

Некоторые из моих товарищей по несчастью собирали мочу, охлаждали и пили. Через сутки немец объявил: «Завтра будет обед: хлеб и вода».

Наконец, мы прибыли в г. Лимбург Stammlager X11 A (сборный лагерь). В нем мы проходили санобработку – душ, стрижка под «0», бритье. При бане – дезинфекции работал я и еще два молодых солдата. Французы там тоже были, они жили вольготно, получали посылки от Красного креста. Некоторые имели с собой музыкальные инструменты и как-то устроили концерт типа джаза с пением. При первом знакомстве я их спросил: «Говорите ли вы по-французски?» Ответили они мне дружным хохотом. По окончании санобработки большую партию русских отправили в Саарскую область для работы в шахтах. Я попал на шахту Кениг – рабочая команда № 2006, относящаяся к сборному лагерю X11 F города Форбах. Через две недели работы в забое шахты я записался электротехником у приехавшего вербовщика от металлургического комбината братьев Штумм. Небольшую группу «специалистов» привели в лагерь при комбинате. Это

был небольшой барак с двухэтажными койками. Барак и прилегающий двор были обнесены забором. Рядом, за металлической сеткой жили французы, но разговаривать с ними не разрешалось.

Унтер-офицер – начальник лагеря сразу оставил меня как переводчика и ответственного за личный состав рабочей команды № 701. На работу выходили бригадами человек по 20. Я должен был их строить, проверять наличность и передавать конвоиру. Бригады шли с цеха – мартеновский, томасовский, механический, подготовительный. Унтер-офицер был крутого нрава, не выносил никаких вопросов и всех больных считал симулянтами. Мне часто приходилось переводить не так, как говорилось, чтобы избежать конфликтов. За каждого больного приходилось биться, и это вызывало нелюбовь ко мне унтер-офицера. При очередной проверке лагеря высшим начальством я пожаловался, что не могу работать в лагере и прошу отправить меня на работу в электроцех. Мою просьбу выполнили, и мне было поручено ремонтировать контакторы, включавшие мощные краны. У меня было свое рабочее место, я выписывал требования на материалы и запчасти, сдавал отремонтированные приборы в ОТК.

Проходя по городу под конвоем от лагеря до завода, я наблюдал мирную жизнь немцев. На заводе работали, в основном, женщины и подростки, ходившие в шортах. По городу висело много плакатов типа: «Sieg oder Sibirien». («Победа или Сибирь»), «Spare Waaer, Strom und Licht! Sparsamkeit bedeutet Sieg» («Экономность означает победу») и плакат «Pst! Feind hört mit» («Пст! Враг подслушивает») на фоне расплывчатой, косо изображенной человеческой фигуры.

Вообще немцы отличались большой выдержкой и дисциплиной. Например, сами они никогда не сорвут и даже не поднимут упавшее яблоко, но охотно брали и съедали фрукты, предложенные конвоируемыми русскими.

Жизнь протекала на редкость размеренно и спокойно, но вот прибыло пополнение. Меня заставили опять вернуться в лагерь и заниматься административными делами. Однажды в нашу команду привезли красные помидоры, и мне поручили ими торговать. Откуда у наших военнопленных были деньги, я не могу сообразить, но помидоры моментально раскупили.

Вечерами рассказывали истории и даже негромко пели, засыпали довольно рано. Охранники дежурили в бараке по одному, но я запомнил только одного молодого по фамилии Лафонтен. Он ко мне хорошо относился и называл «штудент».

Мои знания немецкого и французского языков привлек внимание руководства, и вот приехал какой-то высокий чин в черной форме, стал меня расспрашивать, велел поговорить по-французски и уехал, ничего мне не сказав. Видимо, к счастью, я ему для чего-то не подошел.

Но вот случилось неожиданное – из нового пополнения сбежало 10 человек. Меня обвиняют в пособничестве и отправляют на шахту Реден в г. Бильдштот, рабочая команда № 2009.

Переводчиком в этой команде работал прославившийся на всю область Захар Филиппович Ефимов. Он успел до войны окончить МГУ и неплохо знал немецкий. Он удивительно умно и тактично решал все проблемы. Его уважали немцы и любили русские. Многих он сумел поддержать в трудную минуту, помочь, выручить, даже отстоять. Меня он сразу поселил в барак с полицаями, медиками, парикмахерами и др. Полицаи там были вполне порядочными, не позволяли себе никаких грубостей, следили за чистотой, распорядком дня и занимались другими бытовыми вопросами.

Три дня я работал в забое на 8-м горизонте (750м). Я разговорился со штайгером горизонта, пожаловался, что тяжело работать с отбойным молотком, что я мало вырабатываю. Он обещал мне помочь, а пока поставил на подкатку крепежного леса. Вскоре я стал помощником слесаря – пожилого мужчины, члена SA, но хорошего человека. Я носил за ним сумку с инструментом, помогал при ремонте оборудования. В обеденный перерыв он угощал меня бутербродами. Они были нарезаны большими

ломтями из круглой буханки черного хлеба. Как-то он спросил меня, что смогу ли я съесть целую буханку? Я ответил, что да, и он ее принес на следующий день. В обед он ест свой бутерброд, а я сижу. «Где же буханка?» – удивился он. «Я ее съел». Больше целых буханок он мне не приносил.

Шахтеры-немцы нас жалели и старались помочь, кто чем мог, хотя наверху висело объявление: «Кто помогает русским – не нуждается в дополнительном шахтерском пайке и его лишается». Работая помощником слесаря и выполняя часто самостоятельные поручения я опять оказался на привилегированном положении. Я сам вызывал клеть (лифт), зная все условные звонки, ездил с горизонта на горизонт, получал все необходимое в инструменталке.

Инструментальщик, тоже пожилой, был антифашистом-тельмановцем, и об это знали. Он шепотом рассказывал мне новости, услышанные по радио, и просил только его не выдать.

В лагерь с работы я возвращался к Захару в чистый, просторный, тихий барак с обычными койками. Парикмахер меня брил опасной бритвой, можно было сходить в душ.

Все шло хорошо, но у меня вдруг открылись трофические язвы сперва на левой ноге – большая, затем на правой – поменьше. Никакие старания лагерных медиков не помогали, и мне не разрешили работать под землей. Захар уговорил меня поработать полицаем, но это продолжалось недолго. Пришел новый военный комендант, который оказался знакомым мне унтер-офицером. Он сразу отправил меня на общие работы. Из-за язвы я мог работать только на поверхности, и меня поставили на конвейер выбирать пустую породу. Вдоль конвейера – длинной резиновой ленты – стояли работники и выбирали все, что не было углем. На конвейере работали французы, итальянца, наши восточные рабочие (ост) и я – единственный военнопленный. В обеденный перерыв мы, не уходя с рабочего места, перекусывали и болтали. Две наши девочки подарили мне даже свои фотографии с нашивками OST на груди. Так прошел еще почти один год.

В июне 1944 г. был открыт второй фронт, и немцы начали эвакуировать военнопленных из Саарской обл., чтобы использовать их для рытья окопов. Из-за моих язв я попал в лазарет, который разместили в клубе дер. Орбис близ Вормса. В зале клуба поместили больных, а на сцене за занавеской – врачей, поваров и пр. Там же расположился и я – переводчик. Жилось там вполне сносно, однако появилось много вшей, с которыми бороться было невозможно.

По воскресеньям врачам и мне разрешили в сопровождении охранника гулять по деревне. Я разговорился с какой-то женщиной, и мне позволили брать у нее книги для чтения. В следующее воскресенье я книги менял. Это очень скрашивало мою жизнь. Однажды во время прогулки мне не разрешили брать новые книги, ничего при этом не объяснив.

Ночью меня арестовали и отвезли в карцер. Карцер был весьма своеобразным. Длинный барак с коридором посередине и по обе стороны – камеры, запираемые охраной на крючки. Дверь с улицы в коридор запиралась снаружи, а в конце его была печка. В карцере сидели французы, поляки и др. Вечером крючки камер откидывали, и начиналась стряпня у печки. Ведь французы и поляки регулярно получали посылки. Я в этих вечеринках не участвовал. Просидел я в карцере недели две, пока меня не отвезли на допрос к следователю – немцу. Передо мной он допрашивал двух русских солдат, пойманных после побега. Я сразу заявил, что буду отвечать сам, и переводчик мне не нужен. Его тут же отослали, и мы остались вдвоем со следователем.

Оказалось, на меня написал донос некий «Шляпчик» – это татарин, ходивший в шляпе и появлявшийся то в одном лагере, то в другом. После его появления в лагере всегда кого-нибудь наказывали.

Следователь велел мне встать рядом и смотреть, что он пишет. Обвинение в доносе оказалось следующим:

1. Я скрыл, что был офицером (Видимо, доносчик считал, что такой грамотный, как я, не мог быть простым солдатом).

2. На шахте отвиливал от работы (Я действительно только считанные дни работал в забое, но сняла меня с общих работ администрация шахты).

3. В лазарете задерживал здоровых людей (Выписка зависела только от врача, и я к этому не имел никакого отношения).

4. Тайком слушал радио из Москвы (Это – абсурд, ибо радио нигде в лагерях не было)

5. Имел связь с гражданским населением (Вся связь заключалась в том, что я брал книги для чтения в присутствии охранника у жительницы деревни).

Следователю я все толково объяснил и он мне поверил.

После допросов «беглецы» помыли полы, и конвоир повел нас троих обратно в карцер. Проходя через какую-то деревню, он предложил купить нам в магазине буханку хлеба, с условием, что мы ее всю съедим по дороге, а то могут быть неприятности. Кроме того, мы должны были обещать ему, что не сбежим. Поговорив с «беглецами», я дал такое обещание, и буханку он нам купил. Мы ее мгновенно съели.

Из карцера, через некоторое время конвоир меня одного отвез в лагерь города Лимбург. В лагере предложили отправить меня работать переводчиком, но я категорически отказался и попросился в деревню к крестьянам. Мою просьбу удовлетворили. Опять конвоир повез меня одного на Рейн в деревню Нохерн близ города Санкт-Гоарсхаузен.

Попал я в семью Лукс, которая жила высоко на горе в 5 км от города. У хозяев было трое детей: две дочери (Фрида 25 лет, Эльза 23 года) и сын Артур 13 лет. Ко мне все отнеслись с сочувствием и из-за язвы не давали много работать. Каменистое, довольно крутое поле обрабатывали на коровах. Я удивлялся, как на такой земле можно получать приличный урожай. В центре довольно просторного двора находилась навозная куча, что меня крайне поразило. Жидкая фаза стекала вниз в цементный отстойник и выкачивалась для удобрения ручной помпой. Из помпы брызгало во все стороны, но на это они не обращали внимания.

Теперь, через пятьдесят три года, все изменилось: всю землю обрабатывают два фермера, вокруг домов вымытые дворы, цветники, стриженные газоны и кустарники.

Ели мы за одним столом, вопреки указанию вермахта. Перед едой, положив кулика на край стола, читали «Отче наш». Ели мы тогда семь раз в сутки. Еда была натуральная, обильная: свое мясо, картофель, овощи, пили молоко и вино (обычно яблочное).

Сейчас едят три раза в день, все покупное, даже молоко. Только вино свое. Молитву за столом не читают, в кирку ходят редко и далеко не все.

Я тогда познакомился с пастором кирки, и он разрешил мне приходить вечерами и слушать, как он играет на органе. Играл он для себя не только духовные вещи.

По воскресеньям я ходил гулять, иногда один, иногда с семьей, живших у Лауксов разбомбленных горожан. Выходили на набережную Рейна, доходили до легендарных скал Лорелей. Какой оттуда дивный вид на Рейн и виноградные склоны берегов – словами не описать!

Сейчас гора Лорелей слишком окультурена и потеряла свою дикую прелесть.

Фрида давала мне книги для чтения, и я их читал, сидя на дровяном ящике у печи.

Сейчас в домах автономное паровое отопление.

Военнопленные жили где-то в бараках, но я попросил хозяев пристроить меня при доме. В самом доме места не было: жила городская женщина с дочерью и сыном, а часть дома была разрушена бомбами. Мне стелили в коровнике на раскладушке в проходе между двумя рядами коров – по четыре с каждой стороны. Чистота там была идеальная. Вдоль цементного прохода по обеим сторонам шли канавки для стока нечистот.

В феврале 1945 года американцы начали теснить немцев у Рейна. За отступающими войсками шли отряды СС и прочесывали местность. Когда они проходили через деревню Нохерн крестьяне попрятались по подвалам. Меня забаррикадировали в глубине и, когда заглянувший СС-овец спросил: «Есть ли кто посторонний?» Все дружно ответили: «Нет!» Так крестьяне деревни Нохерн спасли мне жизнь.

При американцах я прожил еще около месяца. Первым долгом, по совету хозяев, я пошел в город Ланштайн, где находился СС-овский госпиталь и показал свою ногу. Врач в СС-овской форме издала посмотрел на язву и что-то буркнул по-немецки. Сестры наложили мне гипс до колена, а на саму язву – мазь и велели прийти через месяц. Когда мне сняли гипс, я глазам своим не поверил – как все хорошо затянулось.

Американское командирование приказало сдать все имеющееся оружие. У Лауксов было охотничье ружье, и Артур собрался идти его сдавать. Выходя из дому, он увидел американских солдат, испугался и вернулся в избу. Солдаты его заметили, забрали вместе с оружием и посадили. Я пошел его выручать, дал хорошую характеристику семье и объяснил ситуацию. Парня отпустили. За это меня очень благодарили.

Какой-то американский офицер долго меня допытывал, советский ли я человек? От прямого ответа я уклонился, но настойчиво подчеркивал, что я русский и хочу в Россию. Он предупредил меня, что на Родине меня ожидает горькая участь, но я упорствовал и он отпустил.

Прощавшись с хозяевами и поблагодарив их за все, я отправился в путь. Добирался я где поедом, где пешком. В деревнях бургомистры давали мне продуктовые карточки для покупки продуктов в магазинах. Ко мне присоединились еще двое русских, и так мы добрались до пограничного города Хоф. После перехода границы советские пограничники посадили нас в карцер для проверки. Что случилось с моими попутчиками, я не знаю, но меня на легкой машине отвезли во Франкфурт на Одере и посадили в тюрьму.

Сперва я сидел вместе с немцем – хозяином торговой фирмы господином Эклё. Мы с ним целые дни разговаривали. Я ему немного объяснял русский, он мне пел немецкие песни. Говорил, что сам не думал, что знает столько песен. Когда его освободили, он подарил мне 100 марок, которые у меня вскоре отобрали.

На этом я прощаюсь с немцами, хочу только добавить, что через 50 лет я связался с семьей Лаукс. Родители уже скончались, а сын пригласил меня с женой в гости. Деревня к этому времени отметила 11 веков своего существования. Мы участвовали в сборе винограда и чувствовали себя желанными гостями.

Глава 4. После войны

Итак, в 24 года я оказался в тюрьме, в русской тюрьме, но на немецкой территории. Вызвали меня к русскому следователю. Первым оказался молодой, симпатичный в летной форме. Со мной в камере оказалось несколько совсем молодых мальчишек – подростков лет по 15, и он их быстро отпустил. По наивности я думал, что скоро продолжу дорогу домой. Но... вызывает меня совсем другой следователь. Он демонстративно рвет мои показания, сказав, что это все ерунда и к делу не относится. Он немного со мной поговорил, задернув тяжелые занавески, включил радио на большую громкость. Я уже тогда смог понять, что это не к добру. Что со мной будут делать? Но на этом все и кончилось. Видимо, я подписал достаточно, чтобы меня осудить. Что меня спасло? Моя молодость, наивность или опять-таки везение. Передо мной по статье 58 1б давали 15 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах, я же получил только 10 и 3 года поражения. Произошло это 5 декабря 1945 года. До отправки к месту назначения нас недели две держали в пересыльной тюрьме, где я подружился с москвичом Львом Глебовичем Мищенко, дружбу с которым мы храним до настоящего времени.

Этапировали нас с ним в различных вагонах. Товарные вагоны по обе стороны от прохода имели двухэтажные нары. Нас набили туда человек по 60 независимо от статьи. В моем вагоне больше половины были уголовники, но отбирать у меня было нечего, а вел я себя очень скромно, лежа на верхних нарах. Получаемое курево я просто отдавал безвозмездно.

Случались в вагоне и драки, и другие неприятности, но меня это мало касалось. Хорошо помню, что как-то охранники скомандовали: «58 статья – направо, остальные статьи – налево». Потом мы, 58 статья, переходили на левую сторону и нас били по чему попало деревянными молотками. Кормили, в основном, хлебом меньше двухсот грамм в день и соленой рыбой. Воды давали мало. Несколько раз, во время длительных остановок, водили мыться в санпропускник. Больных и «пеллагриков» (очень истощенных) осаживали по дороге.

Я к такому состоянию приближался, но все же доехал до г. Печора и с пересылки попал на лесокombинат. После нескольких дней работы на выкатке бревен из холодной реки меня отправили в лазарет. Кто-то, чтобы меня подкормить, поставил меня топить печь на кухне, но я и с этим не справился. Тут я вспомнил, что назвался в Германии электриком и попросился в электроцех. Мне опять повезло, и я попал в электрогруппу к инженеру Чикину Виктору Федоровичу. Это был очень порядочный человек, заключенный с 15-летним сроком. Еще совсем слабого, он меня направил дежурным в 1-й мебельный цех. Это решило всю мою дальнейшую судьбу.

Условия содержания для заключенных из административно-хозяйственного персонала и из «механизации», то есть работников механического цеха, дежурных механиков, электриков и пр. сильно отличались в лучшую сторону от условий для занятых на общих работах. Проход из жилой зоны в рабочую «промзону» был для нас почти свободным. Каждый имел свой личный номер и называл его на вахте при выходе на работу и при возвращении. Иногда вводились некоторые строгости, но ненадолго.

Работа на мебельном цехе, а затем и на электростанции была по лагерным меркам настоящим раем. Смена всего 8 часов вместо десяти, работа всегда в тепле и не изнурительная. Хорошее отношение начальства – оно понимало, что торопить нас не имело смысла. Была свобода перемещения по промзоне, благодаря чему мы могли ходить по другим цехам и заходить в производственную лабораторию. Лабораторией заведовал Георгий Яковлевич Стрелков (1899 - 1976). Это был один из первых сибирских комсомольцев, делегат 1-го Енисейского съезда РКСМ, инструктор в Ачинском уезде по созданию комсомольских организаций Сибири в 1920 году. До ареста он окончил «Коммунистический университет им. Свердлова», работал управляющим треста

«Золотопродснаб». Арестован в 1938 году, приговорен к расстрелу, который за отсутствием доказательств вины был заменен 25 годам ИТЛ. На лесокombинате он проявил себя, как знающий инженер, рационализатор и опытный организатор производства. Лагерное техническое руководство не могло обходиться без постоянных консультаций с ним. Благодаря этому его не только не отправляли по этапу, как остальных 25-летников, в спецлагерь, но и разрешили жить в промзоне в помещении лаборатории. При лаборатории был маленький участок, квадратных метров тридцать, куда выводился отработавший отопительный пар, несколько согревающий почву. Стрелков сумел здесь выращивать немного картофеля, овощей и даже цветов. Удивленному этим начальнику Лесокombината Попову пришла фантазия построить невдалеке цветочную теплицу и поручить Стрелкову за ней уход.

Георгий Яковлевич этот светлой памяти человек и пригреб нас – неопытную молодежь. В ее число попали: лев Глебович Мищенко 1917 г. р., окончивший до войны физический факультет МГУ, участвовавший в народном ополчении и попавший в плен к немцам; Николай Григорьевич Литвиненко 1925 г.р., подростком вывезенный из Киева в Германию, но уже тогда знавший хорошо немецкий и французский языки, и я, только окончивший десятилетку. Интересно, что вся наша компания не курила, кроме самого Георгия Яковлевича. Мы пользовались всякой возможностью, чтобы зайти в лабораторию. Часто проводили в ней обеденный перерыв. Иногда удавалось – если совпадали рабочие смены – собраться там ненадолго в день рождения или по другому поводу.

В лаборатории мы хранили получаемые посылки, кое-какие вещи. Вообще посылки получали многие, я – ежемесячно. Выдавал их в «хитром домике» (доме оперуполномоченного НКВД в промзоне лагеря) сторож «домика» – заключенный, бывший полковник НКВД, осужденный за превышение власти, Лазарь Федорович Суслов. Помогал ему при выдаче посылок и занимался уборкой дневальный, тоже ЗК. Лазаря Федоровича обычно из посылок угощали, и он за это не забывал поблагодарить. В «хитрый домик» мы с Георгием Яковлевичем приходили поиграть с Сусловым в преферанс; он также хорошо играл в шахматы.

Уголовники, отказывавшиеся работать, в нашем лагере долго не задерживались, их отправляли на этап. Тем не менее, они успевали и на лесокombинате совершать грабежи и убийства. Для защиты от них Георгий Яковлевич имел всегда под подушкой топор и наготове пробирку с серной кислотой. Бандиты об этом знали и к нему не лезли.

До 1946 года условия на лесокombинате были ужасными. По рассказам шорника Павла Марушкина, который в то время работал на вывозе трупов, он их вывез более тысячи. Лесокombинат снабжал все СПЖДС (Северопечерское ж.-д. строительство) 8-и и 4-х квартирными домами, а также выпускал станционные здания, бараки, нары, шпалы, столбы, заборы и пр. Несвоевременные поставки грозили срывом строительства всей дороги. Никакие ужесточения режима и постоянное пополнение «свежими кадрами» не могло повысить выработку. В результате управление СПЖДС переводят из Абези и Печору и условия делают более «человечными». Вот тогда-то мы и попали на лесокombинат!

Примерно через год работы в мебельном цехе меня перевели на электростанцию дежурным электриком. Дежурили мы по 8 часов в три смены. Электростанция мощностью 700 кВт имела три генератора, приводимых во вращение локомотивами, использующими отходы древесного производства и частично каменный уголь. Бригады на локомотивах менялись ежедневно, а мы – электрики вообще не менялись. Утром с 8 до 16 часов дежурил Лев Глебович сперва с Любомиром Терлецким, затем с Яковом Цирюльником. Вечером с 16 до 24 часов дежурил Николай Макаров – вор со стажем и его «ученик» Павел Челноков. Они держались очень замкнуто, но вели себя спокойно. С полуночи до 8 часов утра дежурил я с Николаем Нежинским. В обязанности дежурного входило следить за напряжением на щите, включать генератор на параллельную работу, производить текущий ремонт. При сильных перегрузках приходилось отключать некоторые потребители. Во время дежурства можно было читать и заниматься. Читали мы не только

по-русски, но и на иностранных языках. С «воли» нам в посылках присылали немецкие, французские и английские книги, но обязательно советского издания.

Еще будучи в плену, я где-то нашел самоучитель английского языка для французов, но без полагавшихся к нему пластинок. Эта книга была интересно составлена, хорошо иллюстрирована и имела запоминающиеся диалоги. Изучив эту книгу, я уже читал легкие английские тексты.

Электротехникой занимались мы так усердно, что, не имея специального образования, стали опытными, квалифицированными электриками. При электростанции имелась душевая, где можно было помыться и постирать. Каждую неделю мы ходили в баню, где нам меняли белье и брили.

За семь с лишним лет работы на станции я себе выработал следующий режим: придя с работы и позавтракав, я ложился спать, выспавшись, я шел на обед, в свое время на ужин и был свободен до 11 часов вечера. В 11 я отправлялся на станцию, чтобы заблаговременно принять смену и отпустить отдежуривших. При таком режиме времени оказывалось достаточным на все. В жилой зоне часто демонстрировались кинофильмы. В помещении КВЧ⁴ стоял стол для пинг-понга, и я неплохо научился играть. Иногда выступал наш лагерный самодеятельный оркестр, и устраивались футбольные игры. Ни в том, ни в другом я не участвовал. Были в лагере мастера-умельцы: Виктор Викторович Удинанс из Риги работал машинистом и ремонтировал часы, Антс, тоже латыш – делал просто ювелирные зажигалки, краснодеревщик из различных пород дерева собирал инкрустированные шахматные доски, токарь вытачивал изящные шахматные фигуры, гончар на самодельном гончарном круге лепил различные горшочки, тарелки, кувшины, графины и пр. Имен этих мастеров я не помню.

Первым в лагере меня отыскал и навел на бра отца – дядя Боря. С ним я передал свои первые самые свежие воспоминания. Мы также договорились о пересылке мне денег, засовывая их под корешок книги. Если писалось, что книга от дяди Раши, то следовало в ней искать деньги. Посылали обычно 100-рублевую бумажку, тогда как официально можно было получать 15 рублей в месяц. За деньги через вольных можно было купить почти все нам необходимое. После разведки, произведенной дядей Боре, ко мне три раза приезжала мама. Остановливалась она у начальника электрогруппы Бориса Григорьевича Арванитопуло. Через него и механика Станислава Яховича шла наша дополнительная «незаконная» переписка, хотя ограничений на письма, как в одну, так и в другую сторону, не было.

Из происшествий на комбинате запомнился лесной пожар, который я наблюдал тогда единственный раз в жизни. Оглушительный треск горящих деревьев был слышен издали. Деревья вспыхивали целиком снизу доверху, и яркость пламени не давала даже взглянуть в ту сторону. Зону открыли, и нужно было как-то не допустить огонь к лагерю. Было и страшно, и интересно. Второй случай был скорее забавным. Во время проверки в ясный теплый день весь личный состав стоял вне жилой зоны. Вдруг с конбазы выскочил испуганный жеребец и галопом поскакал в сторону собравшихся людей. Имея некоторый опыт обращения с лошадьми, я вышел к нему навстречу и, расставив руки, преградил путь. Жеребец ускакал куда-то в сторону.

В лагере применялась система зачета рабочих дней, и я сократил свой срок на 1 год 4 месяца. Получил я справку об освобождении 8 августа 1954 года со 101 километровой ограничением. Я выбрал город Лугу Ленинградской области. Так я распрощался с Печорой. Позднее мы узнали, что наш лесокombинат сгорел, остались только главные ворота с надписью.

В Луге я себе работы не нашел и поступил на торфопредприятие Тесово-Нетельское в электромастерскую. Там я проработал полгода и в связи с амнистией смог вернуться в сентябре 1955 года в Ленинград. После восьми месяцев работы электриком в

⁴ «Культурно-воспитательная часть»

ремстройтресте меня приняли в лабораторию электрометаллургии цветных материалов ЛПИ и зачислили студентом-вечерником. В июне 1961 года я получил диплом с присвоением квалификации инженера-электрика. Пять лет я проработал инженером, а с августа 1966 года перешел на работу в Химико-механический техникум, где преподавал «Основы автоматизации производства», «Общую электротехнику», «Технику безопасности» и «Электрооборудование предприятий».

Я был дважды женат и имею от каждого брака по дочери. Старая – Ольга живет отдельно со своей дочкой, младшая Екатерина с мужем и тремя детьми живет вместе с нами. В воспитании младшей дочери Кати я принимал деятельное участие, так как, работая преподавателем, имел много свободного времени и двухмесячный отпуск. Один месяц в течение 10 лет я с Катей и компанией друзей ходил на байдарках. Первый раз мы пошли с семьей Мищенко по реке Ипуть, когда Кате минуло пять лет, и она научилась хорошо плавать и нырять. Для полноты перечислю остальные реки: Жеймяна и Швентойи в Литве, Дубна и Айвиксте с притоком Педедзе в Латвии, Медведица и Северный Донец – притоки Дона, Великая в Псковской области.

Последний поход по р. Пежедзе оказался для меня роковым. Мы стояли у ее впадения в Айвиксте и уже собирались сниматься, погружали вещи в байдарки. Дно у берега было довольно крутым и глинистым. Я пошел сполоснуть ложку, левая нога соскользнула по глине, а правая, стоявшая на твердом, выгнулась так, что затрещали косточки. Меня уложили в байдарку и довезли до ближайшего местечка. Там вызвали «скорую», которая отвезла меня в больницу города Мадона. Была суббота, но все же вызвали рентгенолога и хирурга Юхно Виктора Павловича. На одном и том же столе мне сделали снимок, хирург, не вскрывая сломанного сустава, сложил его и наложил гипс. Потом – контрольный рентген и в палату.

Пролежал я около месяца и на костылях вернулся домой. В нашей больнице при реабилитации врачи просто удивлялись, как хирург смог на ощупь так хорошо составить косточки перелома. А сломано их было три! Через год я проехал 150 км на велосипеде от нашей дачи до больницы и обратно, чтобы показать хирургу Юхно, как он хорошо восстановил ногу.

Благодаря тому, что родственники сохранили в блокаду нам нашу квартиру на ул. Марата, в ней уцелело много интересного для некоторых музеев. Эти материалы я, с удовольствием, им передаю.

Наиболее крупным является «Литературный музей Максима Богдановича». Об этом классике белорусской литературы я уже упоминал. С довоенных лет я помню его сборник стихов с дарственной надписью однокласснику, брату моей матери Коле Кокуеву. Я написал в белорусское министерство культуры о желании подарить им эту реликвию, а ответ получил от библиографа Максима Богдановича – Нины Борисовны Ватаци. Кроме того, у меня оказалась фотография молодого Максима со стихами ранее полностью не известными, и подаренная тому же Коле Кокуеву. И «Вянок», и фотографию я отослал в Минск. Первый хранится в центральной библиотеке в отделе редкой книги, вторая – в «Литературном музее». Ватаци провела большую исследовательскую работу по творчеству Богдановича, учтя переданные мною материалы. Я передал групповые фото учащихся в гимназии, где засняты Максим Богданович, Коля Кокуев, Ваня Лилеев, альбом с видами Ярославля того времени, личные вещи Ани Кокуевой, план бабушкиного дома в Ярославле и др. В результате была разгадана тайна инициалов АРК. Богданович в своем посвящении просил редактора не раскрывать их значения, и они долгие года оставались загадкой для исследователей.

Музей был открыт в 1991 году к 100-летию рождения поэта, и событие это отмечалось очень торжественно. Мы с женой оказались среди почетных гостей торжества. Потом нам еще доводилось приезжать в музей и готовить доклады для выступления о моих родителях, о доме в Ярославле, о запомнившихся мне рассказах про жизнь того времени. Сейчас «Литературный музей Максима Богдановича» является лучшим в Белоруссии.

Вторым оказался «Центр белорусской культуры» в Ярославле, городе, где учился и творил поэт. Его открыли через год после музея в Минске.

Третьим – музей при Волховском алюминиевом заводе. Туда я тоже передал подлинный материал, касающийся участи моего отца в разработке метода получения алюминия и пуска завода. Я отдал газеты 30-х годов с фотографиями проф. Яковкина, инж. Лилеева, групповые снимки того времени, научные разработки отца, касающиеся проблемы технологии, слиток первого советского алюминия и пр.

Мы с женой очень любим путешествовать, и совершали интересные поездки по Прибалтике, в Ярославль, Москву, по городам Средней Азии (Самарканд, Бухара, Хива), на Кавказ, в Крым, лесистые Карпаты, Петропавловск на Камчатке, Соловки совместно с обществом «Мемориал» и в Германию. На Соловках мы посетили Секирную гору, политскит Муксалмы, Заяцкие острова и др. На Камчатке мы поднимались на вулкан Дзензур и купались в горячих озерах. О каждой поездке можно много написать, но это выходит за рамки воспоминаний.

На пенсию я вышел без задержки, имеем с женой участок на границе с Латвией, часто ходим в театры, на концерты и мечтаем о дальнейших поездках. О прожитой сложной жизни вспоминаю без горечи.